СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

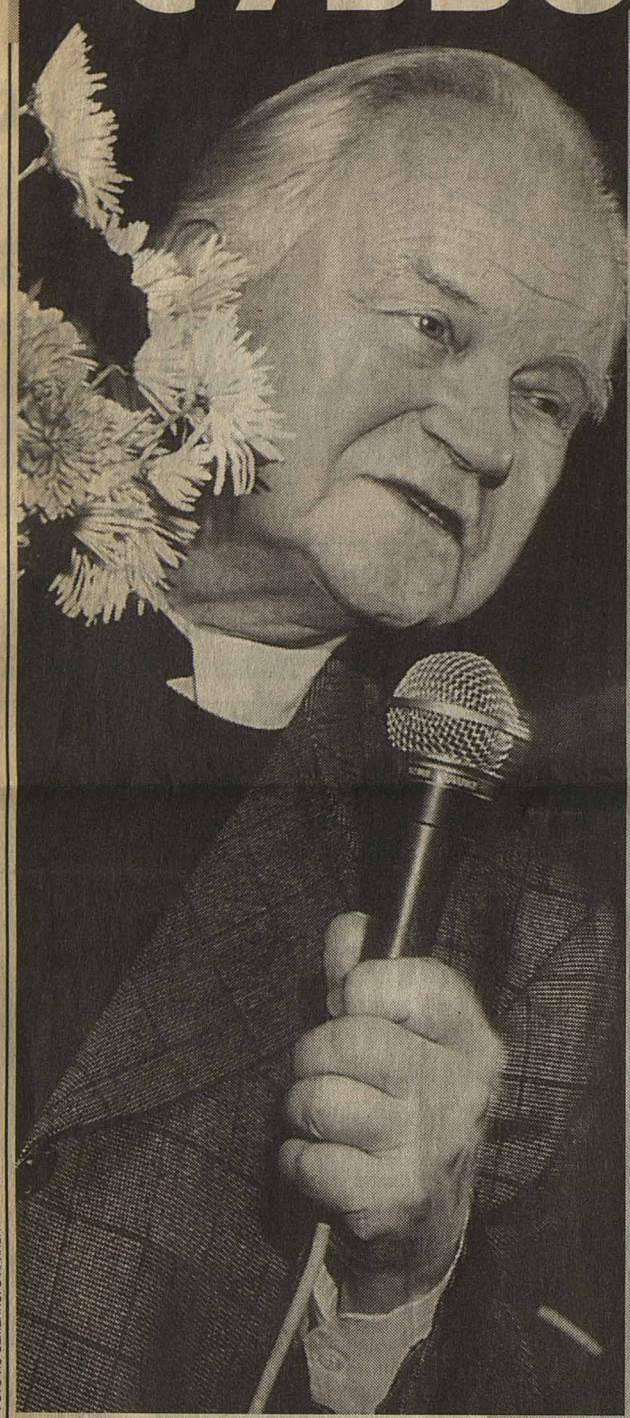

ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

Он очень знаменит. На опасном посту генерального секретаря Союза композиторов СССР Хренников нажил тучу завистников и врагов. Каждый день в своей почте он находил карикатуры: Хренников на электрическом стуле, на виселице, с пропуском на кладбище... Преследования и клевета довели композитора до полного истощения нервной системы. Он чувствовал себя у бездны.

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН

Тихон ХРЕННИКОВ: "Я предан женщине и друзьям"

ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

Счастливое семейство.

В кипящем котле

— Тихон Николаевич, вы не догадываетесь, кто так старался вас обессилить и обесславить?

— Не только догадывался — я знал, кто эти люди. Мои товарищи! Они часто обедали у меня: Союз композиторов находился на первом этаже, а моя квартира — на четвертом. Несколько шагов — и ты в домашней обстановке.

— Наверное, они жаловались на вас самому "серому кардиналу" — Суслову?

— Именно. Суслов приглашал меня в ЦК и давал почитать эти подметные письма. Некоторые авторы писем были крупными композиторами. До сих пор я не раскрываю их имена. И не раскрою. Не хочу. Я зла не хранил. Знакомился с посланиями и забывал, прощал зло. Освобождался от обиды полностью. Так легче. Если эти фамилии узнают, только не от меня. В архивах все хранится... После смерти одного из авторов я неожиданно получил благодарное письмо от его вдовы. Сначала не понял, за что она благодарит. Умная женщина воздала мне должное за то, что я никогда и ничем не нарушил их жизненного благополучия.

— Значит, ждали все время возмездия. И тем уже наказаны... Вы возглавляли Союз композиторов полвека. Случай фантастический!

— Я никогда не готовился к руководящей должности. Писал музыку, играл ее. Работал с театрами над спектаклями с моей музыкой и этим был счастлив. А когда в 48-м году Сталин назначил меня на этот пост, я воспринял назначение как личную трагедию.

Все эти подметные письма и доносы совершенно меня доконали. До этого я занимался только музыкой — и вдруг попал в самую кашу политической грязи и наветов. Все обиды и потрясения приходилось таить в себе. И я заболел. Перестал ходить, потерял совершенно силы. Я превратился в беспомощного человека. Меня отправили в "Барвиху". 17 суток, проведенных там, я не спал. У меня начались галлюцинации. Меня пичкали снотворными, а я никогда их не принимал. Мой организм протестовал против снотворных.

— Это правда, что ваша жена вас увезла оттуда тайно?

— Да, она спасла меня. Оттуда самому выбраться было невозможно. Санаторий "Барвиха" того времени был особым учреждением. На каждом шагу стояли гэбисты. Наш "союзный" шофер имел возможность подъехать к корпусу. Поймав момент, я прокрался к машине и лег на пол. Клара укрыла меня своими юбками. Охрана машину пропустила, и это меня спасло.

— Настоящий киносюжет!

— Кому кино, а мне достались муки. Дома меня выхаживали знакомые врачи и жена. Целый год я не мог работать. Постепенно силы стали возвращаться. Дачи тогда у меня не было. Мы уезжали с женой за город, дышали чистым воздухом и к вечеру возвращались в Москву.

— Кто-нибудь из недоброжелателей догадывался, что два ваших брата были репрессированы, а один даже погиб там?

— Не знали.

Во всех творческих союзах были свои жертвы — писатели, актеры, художники, журналисты. К великому счастью, никого из Союза композиторов не репрессировали, не расстреляли, не сгноили в тюрьме, не свели в могилу на каторжных работах. Руководитель Союза Тихон Хренников никого не предал, не ошельмовал, сопротивлялся изо всех сил. Сострадание ко всем, кого могла постигнуть участь его братьев, совесть и добропорядочность заставляли его просить, убеждать, отстаивать талантливых коллег. За одно это ему нужно при жизни поставить памятник.

— Власть не щадила даже Дунаевского...

— Тут такая приключилась история. Году в 51-м в беду попал его старший сын Евгений от первой жены. Талантливый художник. Учился он в ГИТИСе. И вот на машине Исаака Осиповича поехал он с товарищами из ГИТИСа во Внуково, на отцовскую дачу, встречать Новый год. Встретили хорошо. Женя заснул, а товарищ взял у него ключи от папиной машины и с девушкой поехал кататься. Ясное дело, студент водить не умел и на полном ходу врезался в дерево. Девушка сразу погибла. Студент уцелел. И тогда во всем обвинили Женю Дунаевского. Его арестовали. Был громкий скандал. Пресса кричала: "Вот она, золотая молодежь!" В это время как раз сверху разжигалось так называемое "еврейское дело". Исааку Дунаевскому крепко досталось — писали про него всякую мерзость. Один из замминистров культуры, по натуре антисемит, страшно "наехал" на Дунаевского — на самого знаменитого нашего композитора. Полилась страшная грязь. И это несмотря на невероятную известность Исаака Осиповича. Дунаевский был моим другом. Я обожал его. И пошел в ЦК, потребовал прекратить чудовищный наскок на Дунаевского. Пригрозил, что иначе выступлю в печати с особым заявлением.

И сразу последовал сверху сигнал — травлю Дунаевского прекратили. Исаак Осипович тогда меня не благодарил. И только в позапрошлом году мне дали прочесть его письмо 51-го года к своей сестре. Я запомнил его: "Дорогая Женечка, я давно перестал молиться Богу, если ты еще не потеряла этой способности, молись нашему еврейскому Богу за русского Тихона — он спас мне жизнь и честь". *(Тихон Николаевич произнес последние слова сквозь слезы.)* Я был потрясен. Только через 50 лет до меня дошло, как было ему невыносимо тяжело. Он переживал невероятно, если написал такие слова обо мне. Дунаевский — великий музыкант.

Сквозь тихие всхлипывания седого человека я еле разбирала жалобу сочувствующего сердца. Дам возможность 87-летнему милому, обаятельному Тихону Николаевичу справиться с волнением. Расскажу об одной женщине, которой он пытался помочь. В ту пору всеобщее восхищение вызывала Бетти Глан, директор ЦПКиО им. Горького. Ее мужа обвинили в троцкизме и расстреляли. Хренников помогал Бетти. Его вызвал зав. отделом культуры ЦК Рюриков и жестко предупредил: "Имейте в виду — генерала вашего, который дал разрешение на ее прописку, сняли с должности коменданта Москвы. Мне велено передать, чтобы вы перестали хлопотать за подобных людей. И только потому, что вы недавно назначены самим Сталиным на должность, вас сейчас не тронули".

— Знать, Рюриков вас не очень напугал, если вы вскоре стали хлопотать еще о ленинградском певце Печковском. Что это за история?

— Я приехал в Омск с Гауком и оркестром. Одно отделение концерта было мое, о чем извещали афиши. Вдруг в гостиницу мне позвонил человек и представился: "Тихон Николаевич, звонит вам Николай Константинович Печковский". Искренне удивленный, я закричал: "Вы живы?" Он в 39-м пел в моей опере. У любимца ленинградской публики был изумительный голос. Все знали, что Печковский арестован. Обычная судьба человека, попавшего в плен. И вдруг этот радостный звонок. Я его сразу позвал в гостиницу. Он просил меня помочь ему вернуться в Ленинград.

В Москве я немедленно пошел к Ворошилову. Тот сам любил петь, знал певцов. Я ему рассказал о встрече с Печковским. Ворошилов, оказывается, не знал ничего про его арест и закричал: "Печковский? Что он там делает?" — "Сослан". — "Немедленно вернуть в Ленинград!" — закричал Ворошилов и нажал на какие-то кнопки. Через несколько дней Печковский позвонил мне из Ленинграда и в слезах благодарил.

— Даже спустя полвека вы не можете говорить о старой боли без слез.

— Да все было как будто вчера. Все свежо. Мне жалко всех, кому тогда пришлось тяжело.

Баллада о доме

— Ныне трудно представить семью с десятью ребятишками. Как ваши многодетные родители справлялись с такой оравой?

— Справлялась с нами одна мама, неутомимая Варвара Васильевна. Отец у разных хозяев служил приказчиком. Мы были приучены помогать друг другу. Я не замечал, чтобы десять детей были маме в тягость. Удивительно, мама ни на кого не кричала. Стоило ей посмотреть и медленно произнести: "Ти-и-ша!" — и все. Я переставал задираться или шалить. Мы слушались ее беспрекословно. Достаток в семье был небольшой, но все дети получили высшее образование.

— Расскажите про старшего, Глеба. Он ведь тоже был музыкально одарен?

— Очень талантливого и красивого Глеба все обожали. У него был невероятный голос. Он поступил в МГУ, но когда его услышал Собинов, то посоветовал идти в Московскую консерваторию. Его приняли. Но началась Первая мировая война, и Глеб пошел на фронт добровольцем и был убит в первом бою. Для семьи это стало невероятной трагедией. Получив извещение о гибели Глеба, мать буквально рухнула. Мне было пять лет. Все это стоит передо мной *(слезы вновь мешают ему говорить).*

— А средние братья кем стали?

— Николай работал директором средней школы, а Борис — начальником маленькой станции "Лучок", около Ельца. По образованию они физики-математики. У обоих были семьи и дети. По клеветническому доносу их арестовали в 37-м и обвинили в контрреволюционной агитации. Какая там агитация! Они честно, на совесть трудились. Я в то время в Москве работал над оперой "В бурю" по просьбе Владимира Ивановича Немировича-Данченко. Я с ним часто встречался, он тепло относился ко мне. И конечно, я рассказал ему об этой трагедии. После успеха спектакля "Много шума из ничего" с моей музыкой я приобрел первую известность — обо мне писали газеты. И я бросился отправлять письма во все концы, даже в НКВД с просьбой передать дело братьев в Елецкий суд. Чтобы только их судила не беспощадная "тройка". Как позже я узнал, Немирович-Данченко тоже просил за моих братьев. Их перевели в Елецкую тюрьму.

Я залез в долги, нанял лучшего адвоката, знаменитого Брауде. Адвокат посетил братьев в тюрьме и сказал мне, что обвинения нелепы и что он вытащит их. Но, сказал Брауде, их там жутко истязали. Первым судили Николая. Брауде так припер доносчиков, что все они отказались от своих показаний. Николая выпустили прямо из зала суда. Он вернулся домой больным. Через несколько лет умер. Бориса спасти не позволили. Местные органы испугались, что и второе сфабрикованное дело на суде развалится, а потому вернули дело наверх. Брата приговорила "тройка". А это — смерть.

Теперь в Ельце, в доме, где родился композитор, открыт музей его имени. Там вся семья Хренниковых вновь вместе.

— Тихон Николаевич, ваша музыкальная карьера развивалась стремительно. Талантливый елецкий мальчик принят самим Гнесиным в музыкальный техникум, а потом в Московскую консерваторию. Не чувствовали себя там среди городских провинциалом?

— Да какой провинциал! Меня в консерватории приняли сразу на второй курс. Когда великий Нейгауз услышал, как я играю фугу Баха, то подошел ко мне и сказал: "Хренников, хотите у меня учиться?" К великому педагогу попасть было невозможно, а он сам пригласил.

— Вы из когорты великих трудоголиков. Наверное, и свою Клару, вашу будущую жену, выбрали и полюбили на бегу?

— *(Смеется.)* Ну почему на бегу? Она работала в Союзе композиторов, в пресс-бюро. По образованию Клара — журналистка. Мы познакомились на танцах. В это время входили в моду западные танцы. В кружок, который Клара организовала, записались и Мясковский, и Хачатурян — все. Преподавателем у нас был изящный молодой человек из Польши. Клара уже была замужем, а я, щелкая стертыми башмаками, приглашал замужнюю женщину-красавицу на танец. И началась наша любовь... А позже я просто увез ее от мужа.

— Какой вы, однако, отважный любовник!

— Шла зима 36-го. Я собрался в Елец на третью годовщину смерти отца. Не говоря Кларе ни слова, купил два билета и заехал за ней: "Собирай вещички — мы уезжаем". "Куда?" — спросила изумленная женщина. А рядом с ней — мать и муж. Он в недоумении: "Вы что — с ума сошли?" — "Она со мной уезжает в Елец". Все в слезах. Она рыдает, но собирает вещички. А такси внизу ждет. Мы любили друг друга. О ее муже скажу добрые слова: прелестный человек, чудо-инженер и красавец. Клару он любил...

— А Клара любила музыку.

— Музыку и меня в придачу. Поженились мы в 36-м. Жить нам было негде — я снимал комнату. Когда Союз композиторов стал строить кооперативный дом, я записался. Вносил свои студенческие деньги. И постепенно, по шажку приблизился к ключам от квартиры. А позже Моссовет взял этот дом на себя и вернул каждому его пай. На эти деньги мы купили мебель.

— Клара старше вас?

— На три года. Она сейчас очень больна.

— Я слышала, как много Клара сделала для первой жены Сергея Прокофьева, вернувшейся из заключения, когда все от нее отвернулись, успев подружиться со второй женой композитора.

— Клара — великолепно образованная женщина. И душевный человек. Она действительно окружила Лину Ивановну заботой, мы ей помогали доказать в суде, что она действительно является женой Прокофьева. Он женился второй раз без развода, поскольку советские власти убедили композитора, что первый брак с Линой Ивановной был заключен в 23-м году в германском городе Эттале и в СССР недействителен, так как в советском консульстве не осталось соответствующих документов. Я просил советского посла в ГДР отыскать запись о браке Сергея и Лины в церковной книге города Этталя. Пришлось нашему суду с этим согласиться. Я выхлопотал ей пенсию, квартиру. Клара всюду появлялась с Линой. И это душевно согрело женщину, мать двух сыновей. Многим поведение Клары не нравилось, хотя раньше те же люди преклонялись перед Линой.

— Тихон Николаевич, ваша дочь Наташа что унаследовала от отца, а в чем повторила мать?

— Трудно сказать. Она — театральный художник. 20 лет работала главным художником в Камерном музыкальном у Бориса Александровича Покровского. Сейчас она сделала мой последний спектакль "Капитанская дочка" в Театре Наталии Сац. Только что я закончил мюзикл по пьесе Маршака "Умные вещи". Наташа делает сценографию для Театра Сац. Малый театр тоже хочет поставить. Звонки ко мне идут и из других городов.

— Долго работали над мюзиклом?

— Написал за месяц.

— Мелодии в вас еще звучат.

— Пока еще "котелочек варит".

— А кем стал сын Натальи Тихоновны?

— Андрей — журналист, закончил МГИМО.

— Тихон Николаевич, есть ли у вас музыкальные сочинения, на которые вас вдохновила Клара?

— Всю жизнь со мной мелодия песни "Как соловей о розе поет в ночном саду..." Эту песню я написал для спектакля "Много шума из ничего" в Театре Вахтангова. Я тогда страдал по Кларе. Она пришла ко мне, и я напел ей свою песню на стихи Павла Антокольского. И Клара охладила мой сочинительский пыл: "Это что — песня о любви? Это бездарно и не достойно Антокольского". Разругала в пух и прах и ушла. Я сел сочинять заново. Назавтра спел ей новый романс. Этой мелодией — одной из лучших моих мелодий — я обязан Кларе. Ей я посвятил все первые свои вокальные вещи.

— Что в женщине для вас всего пленительнее — глаза, улыбка?

— Ноги! Самое ценное в женщине — это красивые ноги. Лицо может быть хуже. Через ноги можно понять даже характер человека. Да нет — серьезно. Профиль ног, выражение ног — это существо человека. Больше вам скажу. Года в три-четыре я обожал ноги своих сестер. Они у них были очень красивые, как и у мамы. Бывало, сяду на пол, прижмусь к их ногам и целую. С тех пор я восторженный почитатель красивых женских ног. Но редко встретишь поистине красивые ноги, с красивым выражением, даже обаятельные! Бывают внешне правильные, но холодные ноги. В ногах всё. В ногах — страсть...

— Вы, Хренников, певец красивых женских ног.

И засмеялся 87-летний господин упругим баритоном и сразу сбросил с себя полвека.

— Могу представить ваши страсти. Но что держало вас в рамках — любовь к жене? Нежелание разрушать семейную гармонию? Или партийный страх попасть на язык сплетников?

— Это бредни, будто кто-то боялся партийных разносов. Они ни в чем не могут ограничивать человека. Ко мне вообще никогда не приходил партийный страх — ни в отношениях с женщинами, ни в общении с людьми. Всегда оставался верен своим жизненным принципам. Но семья — это близкие, родные люди. Как же можно изменять любимым?

Тема с вариациями

— Вы так много сделали для театральной сцены, поэтому произнесу скороговорку: Карл у Клары украл кораллы. А вы украли для Клары кларнет?

— *(Развеселился.)* Кларнет украсть не догадался. Но когда-то мы дурака валяли с этими скороговорками. Театр я обожаю. Скажу вам, мои инструментальные сочинения носят театральный характер. Даже мои скрипичные и фортепианные концерты несколько театральны. Мне об этом говорили.

— Кто в эту пору из женщин вызывал у вас самое большое восхищение?

— Наталия Сац. Мы с ней дружили всю жизнь. В 33-м году она заставила восхищаться своим Детским музыкальным театром на улице Горького, где теперь Театр Станиславского. Приехавших в Москву иностранцев в первую очередь вели в замечательный театр Сац. Сама она была броской и очень красивой женщиной. Возле нее всегда вилась масса поклонников. Великий дирижер Отто Клемперер был влюблен в Сац, возил ее с собой по миру, ставить оперы, например, в Буэнос-Айресе... 13 лет Наталия Ильинична провела в заключении и ссылке. Посадили ее как жену министра торговли Вейцера. Сначала Сталин любил министра, а потом пустил в расход. В ссылке, в Алма-Ате, Сац организовала Детский музыкальный театр... А когда она вернулась в Москву, то доказала всем, что она великая женщина и в театральном искусстве. Сац говорила на английском, французском, итальянском. Меня восхищала в ней театральная одержимость, и я с воодушевлением помогал ей в создании музыкального детского театра на Ленинских горах.

— Есть ли у вас нравственный или философский постулат, которому вы следуете?

— Когда я собрался ехать в Москву, отец напутствовал: "Тихон, запомни два правила: живи сам и давай жить другим. И второе: не очень радуйся своим успехам и не очень огорчайся от своих неудач". Всю жизнь я следовал его совету.

Наталья ДАРДЫКИНА.

Моск. комсомолец. — 2001г. — 21 апреля. — с. 2